

Сергей Монастырский

Больничные окна

18+

Сергей Семенович Монастырский

Больничные окна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68746404

SelfPub; 2023

Аннотация

Темным зимним утром зажигаются окна больницы. И за каждым из них начинается своя жизнь, своя история, своя драма, свои печали и радости. Это свой мир, отделенный от мира, окружающего город. Пациенты, то есть временные обитатели этих палат, постоянно меняются и поэтому их истории бесконечны. После того, как ушла из жизни старая медсестра, работавшая здесь с основания, в ее столе нашли книгу. Оказывается, эти истории записывались...

Сергей Монастырский

Больничные окна

Серое зимнее утро зажигает окна больницы, стоящей среди возникших сугробов и лишь просторный больничный двор отделяет ее от шумных городских улиц и несущихся по мокрому снегу троллейбусов, и то и дело раздающихся сигналов клаксонов, которые нажимают нетерпеливые водители, подгоняющиедвигающиеся впереди автомобили.

А здесь, за заснеженными окнами идет своя тихая, размеренная по внутреннему распорядку жизнь, со своими маленькими и большими историями.

Дверь медицинской сестры на шестом этаже терапевтического отделения без стука отворилась.

Наташа, только что успевшая переодеться, привычно, не оборачиваясь, крикнула:

– Занято! – и продолжала раскладывать инструменты.

– Кем это ты занята? – Услышала она вдруг на ухо слова Геннадия и руки его обхватила ее талию.

– Ген! Ты с ума сошел! – испуганно прошептала она, невольно отодвигаясь, – Выйди немедленно, это же не твое отделение.

– Я врач, – ласково прошептал Геннадий, чмокая губами ее в шею, – имею право!

– Ген, ну выйди, – уже слабеющим голосом прошептала Наталья, – Ну не дай бог, кто войдет!

– Ну, извини, – поцеловал ее в шею Геннадий, – не стерпел, соскучился!

– Ген, – ну я же тебя просила! Нам, что, нужны сплетни!?

– Не нужны, правильная ты моя! – проговорил Геннадий отодвигаясь. – Э! стой-ка! Стой-ка!

– Чтонибудь не так? – обернулась, наконец, к нему Наташа.

– Еще как не так! – Геннадий не отрывал глаз от ее задницы.

– Ну что там?! – Не выдержала Наташа.

– Там белье больничное, брюки и через них – с ума сойти!

– Ген, пошел бы ты со своими шутками!

– Какие шутки, Натусь. Там такая попка в обтягивающих ее трусах! Сказать, какого цвета?

– Попа?

– Нет, трусы!

– Боже!

– И ты что, хочешь, чтобы это знал не только я, но и каждый, кто выходит из этого кабинета!

– Что-то ты слишком сегодня озабочен. Жена не дала?

– Нет, ну, правда, Наташ! Просто офигеть!

– Ты что, первый раз видишь?

– Обычно ты в халате. А это да, первый раз!

– Ну, все, все, иди! – Наташа бросила взгляд на дверь,

быстро поцеловав в щеку, подтолкнула к выходу.

– Ладно! Буду ждать тебя, как всегда, в четыре!

– Ген, ну мы же сегодня не договаривались!

– Ты что, смеешься! Я жду не дождусь!

– Давай, завтра, – Наташа еще что-то хотела возразить, но, взглянув на его лицо, тихо прошептала:

– Уже иду! Не смотри на меня так, а то я прямо здесь....

... Машина Геннадия, как всегда, ждала ее в условном месте недалеко от больницы, но в другом переулке.

Наташа впорхнула на переднее сиденье, и Геннадий инстинктивно потянулся к объятиям.

– Товарищ, соблюдайте конспирацию! Мы люди семейные! – И сама потянулась к нему. И, не выдержав, добавила:

– Я так тебя люблю! Давай скорей, сил нет!

– Дома все в порядке? – поинтересовался Геннадий.

– Сказала, что еду на маникюр. У нас два часа!

– У меня больше, я вроде как, на дежурстве.

– Ну, я уйду, а ты останешься. Засмеялась Наташа.

К постели в своей съемной для свиданий квартире, они просто долетели на ходу срывая друг с друга одежду и белье.

– Господи! И что это сегодня с нами?! – прошептала Наташа, когда они очнулись, тяжело дыша, и держась за руки, лежали рядом.

– Слушай, а мы сегодня о чем-нибудь здесь разговаривали? Улыбнулся Геннадий.

– Нет, хочешь поговорить?

– Не сегодня. У тебя осталось сорок минут.

– Вот что с женщиной делает попа обтянутая трусами! – засмеялась Наташа.

– Нет, вот что со мной делает моя девочка! И ее попа!

– Ген, – спросила Наташа, как-то невпопад после долгого молчания, – А ты с женой это делаешь в день, когда у нас свидание?

– Нет.

– А что ты ей говоришь?

– Говорю, что у меня менструация! – засмеялся Геннадий. – С чего это ты?

– Не знаю. Похоже, заревновала.

– Но мы же договорились....

– Конечно, извини, – Наташа прислонилась к нему и молчала так долго-долго. – Ген, как ты думаешь, когда-нибудь это у нас закончится? – наконец спросила Наташа.

Геннадий помолчал, и вдруг сказал: – Сегодня.

– Что, сегодня?!

Он повернулся к ней: – Сегодня и закончится. Натуль, я ведь утром пришел к тебе как раз сказать об этом!

Наташа оторопело смотрела в потолок.

– Ничего себе! Нет, я конечно, знала, что этот день наступит, но не таким образом! Заскочил в процедурную, чмокнул в шею и сказал: – «Ну, все!»

– Знаешь, – сказал Геннадий, – Я специально так придумал, чтобы ни долгих слез, ни лишних разговоров. Ну, невоз-

можно все это пережить. А так, вроде бы, сказал и ушел! Все равно ведь точка поставлена.

По щеке Наташи покатилась слеза.

– Ты, дурак? Так не прощаются. И это после того, что было!

– Ну, я ведь так и не простился! Мы же с тобой в постели!

– Понятно! Моя задница дала мне лишний шанс!

– Да, она разрушила мой план. Не носи больше таких брюк.

Наташа промолчала.

– Ген, а что случилось?

– Ну, мы ведь оба понимали, что когда-нибудь кончится этот роман. Маленький роман. Семьи свои разрушить никто не собирался!

– А что случилось?!

– Да ничего. Просто вчера после утренней планерки шеф попросил остаться. Сказал, что он не любитель таких разговоров.

– Знаешь, – сказал он, это не мое конечно дело, но в медицинских кругах есть золотое правило, не заводить интрижек в своем коллективе!

– Я ответил, что в своем коллективе не завожу.

– И на том спасибо! – ответил шеф, – А вот коллеге из терапевтического отделения, это не нравится. Попросил с тобой поговорить. Ну, собственно, и все.

– И ты, конечно, дядю испугался?

– Конечно, нет. Я взрослый мальчик. Но понимаешь, это своевременный повод закончить наши отношения. Дальше все равно начнет все увядать.

– Значит, уже вся больница знает? – задумчиво протянула Наташа.

Геннадий молчал.

Наташа вдруг вспыхнула и прижалась к его щеке.

– Ну, я не хочу, Ген!

– Давай все-таки не рубить хвост по частям! Сразу, так сразу!

– Натуль, ну не рви ты меня! А то я тоже не выдержу!

– Не выдержи!

– И опять начнется все с начала? Все! Встаем! Ты, кажется, опаздываешь!

– Уже нет! Давай будем здесь сегодня долго-долго! ...И потом уйдем.

– Потом уйдем. Только ты никогда больше в отделение не заходи.

– А ты никогда больше на входе не попадайся!

– Я буду ходить через другой вход!

– А ты будешь утром смотреть на окно моей процедурной?

– Конечно, буду.

– Ты тоже хороший мальчик. И я тебя очень люблю!

– И я тебя...

Зажглись окна неврологического отделения на четвертом

этаже. Как всегда, не включает свет в своем кабинете только Марина Сергеевна, самая молодая заведующая отделением в клинике. Ей почему-то всегда казалось, что из соседнего здания будут подглядывать, как она переодевается, посмотреть, правду сказать, было на что – молодое спортивное тело сорокалетней женщины в красивом белье, вряд ли кого оставляло бы равнодушным.

Но сегодня Марине было не до этих нездоровых мыслей.

Наскоро переодевшись, она позвонила в кабинет заведующей ревматологии.

– Нина Петровна, вы у себя?

– Да, Марина.

– Я вас очень прошу: никого не приглашайте, сейчас зайду к вам со своим подопечным.

– Давай, только побыстрей, через полчаса у меня обход.

По длинному коридору ревматологии санитарки гуськом друг за другом везли, звеня посудой, тележки с завтраком, сновали медсестры, мягко шуршали тапочками проходящие больные.

Марина летела так, что санитарки с тележками жались к стене, полы Марининого халата развивались, как на ветру. За руку она тащила за собой невысокого мужчину средних лет, который не успевал за ней, бежал вприпрыжку.

Усадив мужчину на ряд кресел, стоящих возле кабинета заведующей, Марина рывком открыла дверь. Дальше разговор у них шел на приглушенных тонах.

– Полгода назад, – рассказывала Марина, ко мне поступил пациент...

– От чего лечила? – прервала Нина Петровна.

– От остеохондроза плюс ущемление нерва. Все симптомы на это указывали. Ну, просто классическая картина. Он у меня на дневное отделение ходил, чего его в палате зря держать!

После проведенного курса никаких симптомов нездорового человека. Но месяц проходит – опять приходит. Все то же самое. Сменила курс. Все замечательно. Через месяц примерно – все возвращается!

И так четыре раза. Тут, конечно, я забеспокоилась – протащила его по всем анализам, УЗИ, МРТ, ну, в общем, на всей аппаратуре. Все органы в порядке, но С-реактивный белок показывает острое текущее воспаление! Неизвестно где. Только что к гинекологу осталось проводить, – через силу пошутила она.

– Давай его ко мне! – предложила Нина Петровна. Такие же симптомы у некоторых ревматических болезней.

Марина замялась.

– Он слепнуть начал! – Наконец, сказала она.

С нашей спецификой это никак не связано, конечно, но мало ли что! А я с перепугу дала ему направление в офтальмологическую клинику.

Она открыла принесенную папку.

– Вчера он принес результат обследования, – и протянула

Нине Петровне лист.

– Атрофия зрительного нерва, – прочитала диагноз Нина Петровна. В графе назначений было написано много препаратов и добавлено: «ЕТС» – то есть срочно.

– Но причина не офтальмология, – указала ей на дальнейший текст Марина. Указано: «Острые воспалительные процессы, происходящие в организме. Механизм неизвестный.

Нина Петровна, врач с почти полувековым стажем, молча откинулась на стуле, и, помолчав, резко спросила:

– Где пациент?

– Сидит у кабинета, – испугавшись ее тона, ответила Марина и ввела его в кабинет.

– Евгений Михайлович! – представился тот.

Нина Петровна задала ему некоторые вопросы, провела визуальное и пальпированное обследование и попросила подождать в коридоре.

Потом долго и молча изучала медицинскую карту обследования, анализы, историю лечения и позвонила дежурной медсестре:

– Обход переносим на полчаса!

И уставившись каким-то туманным взглядом на Марину, сказала:

– Сгубила ты, кажется, девочка, этого человека!

– Так все плохо? – упавшим голосом спросила Марина.

– Хуже нет!

... Болезнь эта, по предварительному мнению Нины Пет-

ровны не имеет никакого отношения к неврологии. Это могло быть одно из редких иммунных болезней, когда клетки начинают вести себя как киллеры, и воспаление идет по всему организму на клеточном уровне.

И поскольку из-за поставленного неправильного диагноза болезнь долгое время не лечили, то справиться с ней в этом состоянии было уже проблематично. И даже если сейчас прямо с сегодняшнего дня удастся ударными дозами гормонов заглушить ее, для дальнейшего текущего лечения – а на это уйдет года три. Но слепоту я уже не остановлю! Это одно из последствий. Атрофия зашла слишком далеко. Мертвых не воскрешают! – закончила Нина Петровна.

Марина сидела, как убитая.

– Заявите?!

Нина Петровна как-то странно посмотрела на нее:

– Я – нет, Он сам заявит. Или его семья. У него есть семья?

– Не знаю.

Нина Петровна вдруг перешла на официальный тон и, наклонившись к ней, зло спросила:

– А ты о чем думаешь, Марина Сергеевна?! Ты о нем лучше думай!

И встав со стула, приказала:

– Переведи его ко мне, все документы на стол. И видимо опомнившись, произнесла, – Будем надеяться!

И уже совсем примирительно:

– У меня за всю мою практику было только два таких ди-

агноза. Редкая болезнь.

– И оба ослепли?

– Один.

...Вечером, придя домой, Марина вдруг сказала пришедшему раньше нее и накрывшему на стол мужу:

– Налей мне водки!

– Пить начала? – сыронизировал муж.

– Может, и начну! В клятве Гиппократата об этом ничего не говорится!..

... Утром, после планерки, позвонила Нина Петровна:

– Зайди ко мне в двенадцать.

– Что-нибудь случилось?

– Придет жена твоего Евгения Михайловича. Узнала, что его перевели в мое отделение и хочет объяснений. Я бы хотела, чтобы эти объяснения дала ей ты.

– Я вам полностью доверяю, любые объяснения, которые вы сочтете нужными!

– Ты что, в кусты?! Нет уж, девочка, я не хочу, чтобы между нами были подозрения! И вот что я тебе скажу: – я бы не хотела, чтобы эта история дошла до главного врача. Сама знаешь, как он к тебе относится!

Марина знала, главврач не любит, чтобы ему перечили, Марина не терпела, когда ей указывали на ее место. Место ее – так, шестерка!

... В двенадцать в кабинете заведующей ревматологией сидела грузная, но, впрочем, ухоженная женщина. Рядом си-

дел, казавшийся еще меньше по сравнению с ней, Евгений Михайлович.

Нина Петровна коротко объясняла, что все проблемы у больного от другой болезни, о которой можно было узнать только после дальнейшего результата их лечения в неврологическом отделении и последних анализов.

– Значит, полгода лечили его от насморка, а на самом деле был рак?! – сходу сообразила жена. – Это я образно. И что же теперь будем делать?

– Будем лечить, – ответила Нина Петровна.

– А глаза?

– Мы будем делать все возможное, но произошли, боюсь, необратимые изменения.

Женщина повернулась к Марине:

– Какой же вы врач?!

– Я врач, – стараясь не реагировать на властный окрик женщины, ответила Марина. – Да и у врачей, как и у всех, также бывают ошибки. Я виновата, но человеческий организм – не примитивная мясорубка!

– Болезни очень разные, – подтвердила Нина Петровна, – симптомы разные и очень похоже на неврологию.

– Вы мне зубы не заговаривайте, – взорвалась женщина – я отдала в клинику больного мужа, получила слепого!

– Вы отдали в клинику больного мужа. В том, что я допустила ошибку в диагнозе, сознаюсь! Да, я виновата. Ваша воля требовать любого наказания! Но криком, как и наказа-

нием, здесь не поможешь!

– Кать! Ну, что ты кричишь?! Действительно не поможешь, вдруг мягко сказал Евгений Михайлович, – Может все обойдется!

– Сиди уж, заступник! – крикнула женщина, – слепого тебя по улицам она водить будет что ли?! – кивнула она на Марину. – В общем, я хочу заявить главному врачу.

... Врачебная жизнь в больнице утихала рано. В четыре – пять часов. В ординаторских и врачебных кабинетах, больничная жизнь продолжалась только дежурными врачами и младшим медицинским персоналом, которые будут здесь до утра.

В это время, освободившись от всех актуальных дел, и любил разбирать полеты и вести прием посетителей главный врач.

В этот наступивший вечер и ждала у него в кабинете вся компания – Марина, Нина Петровна и жена Евгения Михайловича. Сам пациент от встречи отказался, мрачно кивнув на жену, – Её одной хватит!

Выслушав все монологи, главный неожиданно не стал произносить длинные речи и просто спросил, обращаясь к женщине:

– Врачебная ошибка, понятно, никто не спорит. Проведем служебное расследование и в зависимости от степени врачебной ошибки, Марине Сергеевне будет наказание. Вас мой ответ устраивает?

– Нет, – твердо сказала женщина, – Таких врачей нужно увольнять!

– Хорошо, – главврач минутку помолчал и продолжил. – Давайте представим, что я уволил врача, хотя я обязан действовать по инструкции и в соответствии с выводом служебного расследования. Что мы получим? Больница лишится хорошего специалиста, да молодого, но уже очень опытного. Не так легко подобрать и не просто врача, а заведующего отделением. На некоторое время лечебная работа в отделении деморализуется. Больные останутся без должной помощи. Придет новый заведующий! Пример Марины Сергеевны всегда будет у него перед глазами и у других врачей. Врачебные ошибки – тяжелые ошибки! Но они бывают! И чего уж там увольнять за них! Давайте просто всех пересажаем! Врачи учатся восемь лет. И еще десять работают, чтобы стать настоящим врачом. Нет, извините меня, но я не отдам Марину Сергеевну!

Я вам, конечно, приношу извинения. Сделаем все возможное для вашего мужа. Я установлю за ходом лечения личный контроль!

... Марина по вечерним, слабо освещенным улицам города возвращалась домой. Шла медленно, домой не хотелось. Хотелось сесть где-нибудь в одиночестве в пустом кафе, долго сидеть над чашкой кофе, смотреть в занесенные снегом окна и думать, думать...

Зимняя ночь погасила окна на всех этажах спрятанной в городской роще больницы, и лишь на последнем из них слабо светилось окно кабинета дежурного персонала.

Уличные фонари освещали больничный двор, и тихо падающий снег искрился в их лучах.

Два часа ночи.

В небольшом и уже почти совсем темном закутке холла пятого урологического этажа, прижавшись лицом к окну, виднелись две темные фигуры мужчины и женщины.

Она, в легком спортивном костюме – из двенадцатой женской палаты. Он в футболке и тренировочных брюках – из мужской шестой.

Они познакомились здесь десять дней назад. В больнице трудно не познакомиться, все на виду друг у друга.

Он сидел у массажного кабинета, напротив приоткрытой входной двери, она наклонилась за массажным столиком, и медсестра профессионально разминала ей шею, острые грудки, раздетой для процедуры девушки колыхались в такт движениям массажистки.

Случайно девушка повернула голову в сторону двери и что-то сказала массажистке.

Та, не спеша, подошла и закрыла дверь.

Выйдя из кабинета, девушка иронически улыбнулась мужчине и негромко спросила:

– Ну что, налюбовались?

– Было очень красиво, – тоже улыбнулся мужчина, – когда

у вас следующий сеанс?

– Завтра, – улыбнулась девушка и язвительно заметила, – Будете сидеть?

– С места не сдвинусь! – и неожиданно протянул руку, – Я – Николай, из шестой палаты.

– Пока, Николай! – и девушка, шмыгая тапочками, двинулась по коридору.

– Я провожу, – крикнул Николай, и поспешил за ней.

– Пропустите очередь!

– Да черт с ней! – и перешел к главному: – А вас как зовут?

– А вам зачем?

– Ну, просто. В одном отделении. Почему бы не познакомиться?! К тому же я уже все видел!

– То есть, приставать уже не зачем, – засмеялась она. – Тогда – Лена!

... Эти десять дней они почти не расставались. Кроме процедур, ночного сна и вообще всего того, зачем они легли в больницу.

Все остальное время они гуляли по коридору, в разрешенное время – по большому саду, разговаривали, разговаривали...

Спроси спустя десять дней, о чем они говорили, – никто не вспомнит. Обо всем. Просто так. Конечно, и о себе.

Оба были из разных, далеко стоящих друг от друга районных городков и только страсти, зигзаг судьбы свел их в областной больнице.

Для Лены ее городок был родным. Незатейливый городок, незатейливая судьба.

После школы устроилась на главное предприятие городка – швейную фабрику. Через два года – страстная влюбленность почти в своего ровесника, – старшего мастера, присланного из города, рождение ребенка – и вот обычная, но вполне счастливая, по меркам городка жизнь. В семье достаток, муж не пьет, хорошо получает – он к этому времени дорос до начальника цеха. Что еще надо?

Страсть, конечно, прошла, но у кого она вечная?

Николай, после института пять лет назад был направлен в районную школу. Для начала. Но начало затянулось. Через два года, когда он хотел уже уходить и вернуться в свой город, случилась беда – скоропостижно умер директор школы.

Николая уговорили временно занять его место. Это «временное» продолжается уже три года. Да и сам Николай втянулся – бросать родной коллектив было жалко.

Семьей он так и не обзавелся, наверное, у него была какая-то личная жизнь, но, естественно, эту тему они с Леной не затрагивали.

Завтра их выписывают.

... Дежурная медсестра, изредка проходящая по ночному коридору, давно перестала напоминать двум словно прикованным к этому окну больным, что пора спать.

Рука ее лежала в его руке и наклонившиеся друг к другу головы сплетались волосами.

– Мне сейчас кажется, что это были лучшие дни моей жизни, – тихо говорила она ему.

– И в моей. Хотя ничего не было. Странно.

– Было. То, о чем ты думаешь, оказывается не всегда главное.

– Ты о сексе?

– Да, хотя у меня такое впечатление, что и это у нас было.

– Да не было же! – засмеялся он.

– Ну, не было и не было! А что же мне так тоскливо?!

– И я не хочу отсюда уходить!

– Давай останемся!

– Навсегда? – засмеялся он.

– Навсегда не могу. У меня сын, – помолчала и добавила, –

И муж.

– Просто на нас нашло затмение.

– Просветление. Так как с тобой, я никогда ни с кем не говорила. И не гуляла, и не чувствовала, и не узнала столько!

– Ну, я все-таки учитель. Много знаю.

– Коль! – она прижалась к нему. – Я не знаю, что мне делать. Как жить! Ты все разрушил!

– Неужели? Все будет как прежде. Это сейчас ночь. Она все обостряет. Придешь домой. Успокоишься. Мы ничего не разрушили, просто минутное затмение.

– Так не получится.

– Я вот говорю, а сам тоже не понимаю, как я буду без тебя?! Ну, как-то буду.

Он оглянулся, обнял ее и припал к ее губам.

Они забылись. Поцелуй был таким долгим, что даже осторожно прошмыгнувшие чьи-то тапочки за их спинами, не позволили им оторваться друг от друга. Николай тихо целовал и гладил ее плечи, расстегнув блузку на ее груди и уже совсем забывшись, протянул руку под резинку ее брюк.

– Коля! – отчаянно зашептала она, – что ты делаешь? Здесь же ходят!

Но он уже не мог остановиться и словно в забытьи гладил то, что там обнаружил.

– Коля, я прошу! Ну не хочу я так! Все равно ничего не получится!

А Николай гладил и гладил.

И вдруг Лена всхлипнула, тихо охнула и изо всех сил прижалась к Николаю.

Тяжело дыша, она выдохнула, – Я все! Что ты наделал!

Николай очнулся, и хоть Лена, видимо, из чувства благодарности потянулась к его брюкам, остановил её руку.

– Не надо, это слишком заметно. Не хочу скандала, не надо, – прошептал он ей на ухо, и опять снял ее ладонь.

– Вот теперь, между нами, все было!

– Коля! – ответила она, – скорее всего, мы никогда в жизни не увидимся и хорошо, что не увидимся. Но я всегда буду знать, что у меня был ты, с которым было все, все, все, о чем я только могла думать!

– Ты так говоришь, будто мы признаемся в любви.

– Да. Лучше это слово не говорить. А то, как потом жить?

Ночь катилась к рассвету. Скоро будет светать. И сказка той ночи побледнеет, протрезвеет, расползется, начнутся обходы, но потом они разойдутся по кабинетам своих лечащих врачей, потом соберут свои вещи, подойдет автобус отвозить до вокзала, потом каждый из них выйдет на своей остановке, они посмотрят друг на друга долгим взглядом... Была ли эта ночь? Или им это только приснилось?

В пятом часу вечера лучи заходящего зимнего солнца уже потухли и не коснулись окон затемненного верхушками сосен нейрохирургического этажа. Уютный, предвечерний полусвет разлился по его коридорам, сливаясь с электрическим светом ламп и постепенно наполняемый звуками вернувшихся из послеоперационной палаты и после обеденного сна.

В отдельную платную палату, в которой лежал только что привезенный из реанимации больной, вошел нейрохирург Виктор Павлович.

Душа не лежала заходить сюда, потому что состояние больного он знал отлично, и никакого смысла заходить перед концом рабочей смены не было, но предстоял нелегкий в этих случаях разговор с женой больного, которая ждала его здесь уже несколько часов. Без всякой необходимости, но все же по привычке, он приоткрыл веки больного, потрогал его лоб и обратился к ожидающей начала разговора женщине:

– Слушаю вас, Мария Ивановна!

– Это я Вас слушаю, доктор, – тихо и спокойно произнесла Мария Ивановна – невысокая с необычайно тонкой для ее возраста фигурой молодая женщина. Голос ее был тускл и безволен, по-видимому, и слезы, и слова были выплаканы за эти десять дней, и теперь она ждала только приговора.

– Ну, что ж, честно, как привыкший к горю хирург, – начал Виктор Павлович, – Успокоить мне вас нечем. Диагноз вы знаете – обширный инсульт. Жизнь удалось спасти. Мозг – нет! Дальнейшие действия бесполезны, вынужден Вашего мужа выписывать.

– А зачем тогда было спасать жизнь? – также тускло заговорила Мария Ивановна.

Виктор Павлович не удивился, он знал эти разговоры.

– Это мой долг, моя задача, как врача, – дежурно сообщил он.

– Он теперь будет овощ?! – без обиняков, но, уже поднимая голос, спросила женщина.

– Энцефалограмма показывает ноль! – Пожал плечами врач, – Обнадежить Вас нечем.

– А бывают счастливые случаи? – с какой-то детской надеждой спросила Марина Ивановна.

– История знает такие примеры, – пожал плечами Виктор Павлович. – Но редко.

Он знал, что сейчас начнутся вопросы последней надежды. И точно.

– А он понимает, чувствует, что происходит, что я ему говорю.

– Нет, – стараясь говорить как можно короче, жестко ответил врач. Энцефалограмма – ноль,

Если бы женщина перешла на крик, если бы, как обычно в таких случаях бывает, раздался бы истеричный плач, слезы, и даже если бы она начала биться головой о стенку, Виктор Павлович привычно бы принял все это, но Мария Ивановна ничего этого не сделала. Она как будто застыла в своем тепер уже навсегда горе.

– А жить он будет долго? – неожиданно спросила она.

Виктор Павлович пожал плечами.

– Прогнозов не даю, – долгожителем он, конечно, не будет, но может прожить достаточно много лет. Ему ведь срок пять?

– Да, подтвердила женщина.

– Ну вот, – организм молодой, – все показатели у него без патологических изменений... Конечно, никто не знает, как организм будет справляться с новым состоянием, к тому же могут появиться, другие новообразования. Ну, трудно спрогнозировать жизнь и здоровье человека.

– Значит, мне теперь жить с живым трупом? – также безвольно то ли спросила, то ли сказала Мария Ивановна.

– Это ваш муж.

– Теперь труп, – и вдруг запричитала, наконец, – Зачем вы его спасли?!

– Виктор Павлович молча ждал. На самом деле он и сам давно не понимал, зачем спасал жизнь таких людей. Которая, не нужна ни жалкому больному, ни его семье, ни кому.

Но, конечно, никогда и не с кем не делился такими мыслями.

– Это мой долг, – говорил он.

– Ваш долг – не мучить таких людей, не превращать жизнь их семей в ад, – кричала женщина.

И вдруг остановилась и тихо проговорила, – Доктор, а если....

Виктор Павлович понял и сразу оборвал:

– Нельзя. Эвтаназия у нас запрещена.

– Ну, а отключить как-то... Я понимаю, это по заявлению родственников, но я готова написать.

– Отчего отключить? Он не подключен к системе жизнеобеспечения, организм здоровый, справляется сам. Все! – взорвался он, такие вопросы решаются без меня. Завтра его выписываем! И помолчав, добавил:

– С угасшим мозгом, но здоровым. Это будет отражено в документах. Не делайте глупости!

... Виктор Павлович шел по коридору. В голове его все колотилось. Не первый раз вел он такие разговоры, не первый раз видел убитых горем родственников, которым завтра предстояло начать новую, как он сам считал, ужасную жизнь.

Не первый раз он задавал и сам себе вопрос: в чем долг врача? В том, чтобы продолжить эту никому не нужную

жизнь или прекратить ее, если человека практически нет? А есть только бесполезное тело, которое нужно много лет кормить, обтирать, выносить из-под него фекалии, смотреть на него, бывшего когда-то любимым, родным и мучиться, что этого уже нет, но вот напоминание, безобразное теперь тело всю жизнь будет стоять перед глазами!

Морг в квартире!

Да, не понимал. Но делал. Потому что таковы правила. И законы составленные из человеколюбия.

Как жесток ты, о, боже!

.... Ночь застала Марию Ивановну, молодую еще женщину, сидя на стуле у постели теперь уже навсегда спящего мужа. Для которого уже никогда не будет ни уютного вечера, ни солнца, ни луны, только одна вечная, беспроглядная ночь.

Спит Мария Ивановна. Набирается сил на долгую и мучительную теперь жизнь.

Завтра их выписывают.

И одно за другим гаснут окна.

Светятся вечерние окна больничных корпусов, бликами сияет в стеклах солнечный зимний день, гаснут, и тускло светят дежурными лампами комнаты палат.

Меняются жители этого дома – временно населяющие его пациенты, только не меняются врачи, проводящие здесь свою долгую жизнь, за каждым окном пройдут свои истории, свои трагедии, свои радости...

Много происходит и все забывается. И только старенькая медсестра, работающая здесь с самого основания, пишет по своим дежурным ночам свою книгу, где записывает эти истории, эту жизнь.

Жизнь ее тоже оборвется, и новая медсестра, пришедшая на ее место, найдет в ее ящике стола эту книгу, пожмет плечами, выбрасывать побоится, положит обратно и никто и никогда ее больше не прочитает.

И не надо.